

Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999. 343 с. / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин*

Сборник «Репрессированные этнографы» нельзя однозначно отнести ни к биографическим, ни к историографическим исследованиям. Люди, которым он посвящен, столь ярки, судьбы их столь драматичны, а изложенные научные идеи столь тесно спаяны с гражданской позицией самих ученых, что значение этой книги выходит далеко за узкопрофессиональные интересы этнографии. В ней представлена развернутая картина жизни российской научной интеллигенции начала века, подъем научно-исследовательской активности, рост числа учебных заведений (особенно в провинции) в 1920-е годы и разгром науки в 1930-е.

Наряду с воспоминаниями коллег, друзей и родственников репрессированных ученых, с публикациями в советской периодике тех лет в этом сборнике широко привлекаются ранее недоступные архивные материалы КГБ, сведения из личных дел, отрывки из протоколов допросов, справки, а также архивы научных учреждений и личные архивы.

В 1990 и 1994 гг. появились публикации «Репрессированное востоковедение» и «Репрессированная этнография»¹, в которых кратко в духе справочного издания, рассказано о сотнях репрессированных ученых.

Выход в свет сборника «Репрессированные этнографы» – это продолжение разговора, начатого полным голосом только в конце 1980-х годов, о трагической судьбе отечественной науки, и в том числе о судьбе этнографии.

Рецензируемый сборник – дань памяти тем, кто, попав в круговорот репрессий, был расстрелян, погиб в лагерях или на долгие годы был вырван из той жизни, где были семья, научная работа, открытия.

Это не только нравственный долг перед ушедшими из жизни коллегами. Это восстановление искусственно прерванной связи времен, преодоление той залакированной и обезличенной истории, которая втискивалась в учебники по истории КПСС. Это также драматичный рассказ об идеологизации и огосударствлении этнографии, особенно актуальный в связи со спецификой настоящего момента и сопричастностью нашей науки происходящим в современном мире разнообразным этническим, этнополитическим и этнорелигиозным процессам.

Среди этнографов, в разные годы причисленных к «врагам народа», были и бывший царский политехсильный, обладатель серебряной и малой золотой медалей Российского географического общества А.В. Адрианов, который не признал советскую власть и призывал «вскрыть большевистский гнойник» (расстрелян Томским ЧК в 1920 г.); и никогда открыто не выступавший против Советов бывший высокопоставленный чиновник, товарищ министра внутренних дел России, губернатор Бессарабии, директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий А.Н. Харузин (умер в изоляторе при Бутырке в 1932 г.); и сотрудничавший с Комитетом Севера патриарх иркутской этнографической школы, учитель М.М. Герасимова, Г.Ф. Дебеца, А.П. Окладникова Б.Э. Петри (расстрелян в 1937 г.); и активные строители новой марксистской науки П.Ф. Преображенский (расстрелян в 1941 г.) и Н.И. Конрад (сидел в 1938–1941 гг.). Были репрессированы и погибли сибиревед Н.Н. Козьмин, лингвист и кавказовед А.Н. Генко, кавказовед Г.А. Кокиев, специалист по Средней Азии и Казахстану Ф.А. Фиельструп. Прошли через лагеря славист Н.И. Лебедева, основатель и многолетний руководитель отдела народов севера Института этнографии АН СССР Б.О. Долгих, литератор и этнограф Н.И. Гаген-Торн.

Разные люди, различные научные интересы и отношение к выпавшему на их долю перелому эпох. Столь непохожие их судьбы подведены под единую черту. Эта черта – арест, допросы, запугивание, ощущение изгойства...

Те, кому посвящена книга «Репрессированные этнографы», весьма различно восприняли революцию и марксизм как обязательную методологию своей дальнейшей научной деятельности. Впрочем, арестовывались они не за реальное отношение к советской власти.

Ученые-этнографы, о которых идет речь, действительно оказались «чуждыми элементами», причем не только как выходцы из среды дворянской интеллигенции и духовенства. Их преданность науке, широкий

* Книга подготовлена и издана при финансовом содействии Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 95-06-17188, 98-01-16129).

кругозор, антидогматизм, зерна инакомыслия, заложенные старым воспитанием, – все это настораживало режим, который чувствовал в них потенциальных врагов.

Спецхраны были «тюрмой» для репрессированных научных идей. Работы арестованных авторов мгновенно изымались из научного оборота. Так, например, не стало двухтомной монографии А.Н. Харузина «Киргизы Букеевской орды», появление которой было событием в этнографии начала века; двух монографий по великорусскому костюму: Б.А. Куфтина «Материальная культура русских Мещеры» и Н.И. Лебедевой «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки»; более 20 лет пролежала в столе монография А.Н. Генко «Абазинский язык» – глобальное лингвистическое исследование. Сколько еще таких искусственных научных «лакун» было создано под руководством партийных инстанций? Как отразилось это на развитии научной мысли?

Вычеркнутые из жизни, преданные официальному забвению репрессированные ученые все же перешагнули через черту, положенную им арестом. Перешагнули и те, кто выжил и нашел в себе силы вернуться к любимой работе, и те, кто был физически уничтожен. Последние продолжали жить в своих учениках, в передававшихся изустно каждому новому поколению этнографов рассказах о них, в своих работах, которые в 1960–1970-е годы начали проникать сквозь стены спецхранов.

Авторы сборника стремятся в общих чертах передать суть работ репрессированных этнографов, обозначить круг их полевых исследований, теоретические положения и гипотезы. При этом цитируемые и тезисно пересказываемые материалы говорят сами за себя. Авторы очерков лишь акцентируют внимание на том, что им кажется наиболее значимым, а спорные моменты оставляют на суд читателей.

Большинство упоминавшихся в сборнике исследований основывается на уникальных полевых материалах и представляет интерес не только для истории науки. Проблемы, поднимаемые в них, и по сей день остаются актуальными и дискуссионными: модернизация традиционных доиндустриальных обществ под влиянием европейской культуры; реорганизация архаичного уклада жизни малых народов Севера; возможности применения лингвистических реконструкций в изучении этнической истории; формационная принадлежность кочевых обществ; происхождение религии и религиозного сознания....

Некоторые положения 1920–1930-х годов перекликаются с фундаментальными понятиями современной этнографии, во многом превосходящая их. Так, Н.Н. Козьмин, исследуя хозяйство и быт народов Восточной Сибири, вплотную приблизился к учению о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, разработанному в середине 1950-х М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым (с. 86, 94–95). Недалек от этого был и П.Ф. Преображенский. Анализируя и уточняя гребнеровское понятие «культурного круга», он предлагает свои: «культурный комплекс» и «технично-хозяйственный ареал», которые очень близки современным представлениям об историко-этнографических областях (с. 246–248).

Особый интерес представляет затрагиваемая в сборнике тема трансформации предметной области этнографии и понимания ее места среди других исторических наук. Традиционное для российской науки представление об этнографии как об описательной дисциплине, предметом которой является культура «первобытных» народов, отставших в своем развитии, в послереволюционные годы отошло в тень. Новое время потребовало более рационального и прагматичного подхода к исследованиям традиционного уклада жизни архаичных народов. Б.Э. Петри писал: «...если раньше каждый новый добытый факт был тем ценнее и интереснее, чем больше следов древности таил он в себе, то теперь нас интересуют преимущественно те факты, которые дают ключ к правильному пониманию основных пружин, двигающих хозяйством туземцев» (с. 69–70).

На первый план выходило решение прикладных задач по вовлечению «иностранцев» в социалистическое строительство. Это изменило не только исследовательские установки, но и социальную позицию самой отечественной этнографии – она была «принята на службу» новой государственной идеологии. Последняя ставила перед этнографией свои задачи и требовала от нее ни в чем не противоречащих решений.

В 1930-е годы этнографию не обошли стороной те гонения, которые обрушились на педологию, генетику, кибернетику. Ее не запретили, не уничтожили, но попытались объявить «буржуазным суррогатом обществоведения» (с. 3). Особого мнения по этому вопросу придерживался П.Ф. Преображенский. Его стремление поставить знак равенства между этнографией, этнологией и этнической историей – это никак не упразднение этнографии / этнологии, а скорее преодоление жестких междисциплинарных барьеров и привлечение этнографических и археологических источников для единого процесса познания всемирной истории и культуры. Этим позиция П.Ф. Преображенского была ближе «анучинской триаде», чем марксистско-ленинскому пониманию истории, что и вызвало резкую критику коллег (с. 253, 243–247).

Цитируемые размышления П.Ф. Преображенского о первобытном коммунизме и об «эластичности» экономических отношений представляются чрезвычайно интересными как пример одной из немногих в конце 1920-х годов попыток недогматично отнестись к отдельным положениям марксизма, при этом оставаясь на его позициях. П.Ф. Преображенский позволяет себе критиковать упрощенное представление о первобытном равенстве, механическое распространение «аграрного коммунизма» на всю первобытность; кроме того, он уделяет серьезное внимание регрессивным процессам и отклонениям от стандартной схемы развития производительных сил и производственных отношений. В 1929 г. все это было опубликовано. Позже подобные научные выкладки сами по себе могли стать достаточным основанием для ареста. Положение о первобытном коммунизме благополучно не сходило со страниц учебников истории до середины 1980-х годов.

Как творческий человек и эрудированный ученый П.Ф. Преображенский сомневался, сосредоточивался на слабообоснованных положениях. И как «свой», т.е. как историк, всецело принявший марксистскую методологию, вслух высказывал критические замечания. Такая позиция резко отличала его от большинства выпускников коммунистической академии, которые в начале 1930-х годов стали задавать тон в науке. Попытки критической доработки формационного подхода способствовали зачислению многих историков-марксистов в категорию «идейно чуждых».

Если при оценке научных трудов репрессированных этнографов еще может встать вопрос, выдержали ли они проверку временем, то когда речь идет об их нравственной позиции и понимании духовной миссии этнографии, современности стоит поучиться у прошлого.

Судя по воспоминаниям Н.И. Гаген-Торн (а это одни из самых ярких страниц сборника), в начале 1920-х годов курс введения в этнографию начинался с того, что слушателям-неофитам задавалось нравственное кредо исследователя народов, стоящих на различных ступенях цивилизации. С университетской кафедры звучали слова Л.Я. Штернберга: «Дикарей нет! У всех есть своя культура, достойная внимания и уважения. Каждый народ что-нибудь дает для человечества». Пункт второй его «десяти заповедей этнографа» гласил: «Не делай себе кумира из своего народа, своей религии, своей культуры. Знай, что все люди потенциально равны: несть ни эллина, ни иудея, ни белого, ни цветного. Кто знает один народ – не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру – не знает ни одной». В самых возвышенных интонациях говорилось о науке, служителями которой они готовились стать: «...без этнографии, ее данных... нет и не может быть науки о человечестве, его культуре, пространстве и времени... Величайшая заслуга этнографии в том именно, что она впервые установила конкретное представление о человечестве в целом. Это она... впервые сделала перекличку всех народов планеты» (с. 315).

В том же ключе подытоживает свой многолетний исследовательский опыт и Н.Н. Козьмин: «...инородцы не дети природы, с которыми надо нянчиться. Пропасть между культурной Азией и севером Азии я пытаюсь засыпать» (с. 95).

При нашем сегодняшнем увлечении неотложной этнологией и акцентом именно на актуальности той или иной проблемы предостережением звучат слова Н.Н. Козьмина: «Наука не должна быть работою преходящих интересов дня и изменчивых настроений. Не всегда может она отвечать на вопросы жизни, – и много ответов у нее приготовлено не для настоящего» (с. 92).

Такого рода мысли об этнографии и о работе этнографа, выстраданные предшествующими поколениями исследователей, звучат как посвящение в таинство профессии.

Самостоятельный интерес представляют неоднократные упоминания в сборнике о сибирском областническом движении, к которому принадлежали А.В. Адрианов, Г.Н. Потанин, Н.Н. Козьмин. Приведенные цитаты из выступлений А.В. Адрианова, негодующего по поводу того, чем реально обернулись революционные преобразования для Сибири, проливают свет не только на трагичный конец самого ученого, но и передают дух областничества, его оппозиционность большевизму.

Большинство статей сборника очень хорошо написаны. Живая человеческая связь между авторами и героями их очерков ощущается постоянно, создавая порой «эффект присутствия» давно ушедшего человека, который, конечно, особенно силен в рассказе С.И. Вайнштейна о любимом учителе Б.О. Долгих и в повествовании дочери Н.И. Гаген-Торн о трудной судьбе матери и ее разносторонних дарованиях.

Как сказано во вступительной статье, «книга густо населена». И это действительно так. В ней множество интереснейших пересечений: многолетняя дружба А.В. Адрианова с Г.Н. Потаниным, его знакомство с Г.М. Кржижановским и В.И. Лениным; отношения между семьями Фиельstrupов и Капиц; участие Н.И. Конрада в судьбе Л.Н. Гумилева и Б.М. Эйхенбаума; учителя Н.И. Гаген-Торн, о которых она с такой любовью пишет, – Андрей Белый, Д.К. Зеленин, В.Г. Богораз, упомянутый выше Л.Я. Штернберг и

многие, многие другие... Все эти «встречи в пути» создают у нас ощущение единого культурного пространства того времени, самобытного и разнообразного.

Что касается самого издания «Репрессированных этнографов», то хотелось бы обратить внимание на два момента: именно в силу «густонаселенности» сборника ему явно недостает именного указателя; кроме того, подобные издания сейчас принято сопровождать резюме на английском языке.

Сегодня порой слышны голоса, вопрошающие, сколько еще можно писать о репрессиях, появился даже кощунственный термин «некрофилия». В течение 70 лет эта тема у нас была окружена заговором молчания. Менее 10 лет назад начали открываться архивы и публиковаться материалы – и уже хватит? А как же ахматовское «хотелось бы всех поименно назвать»? Наше общество еще очень далеко от того, чтобы понять и пережить всю трагичность репрессий, оценить масштаб реального ущерба, который они нанесли отечественной науке, культуре и нескольким поколениям советских и «постсоветских» граждан. И разговоры о том, сколько еще можно ворошить прошлое, – тому подтверждение. Прошедшие публикации – это только начало восстановления исторической памяти. Знание и память о прошлом – единственная гарантия в наше смутное и неблагоприятное время от его возвращения.

Рецензируемый сборник рассказывает только о 12 репрессированных этнографах, 12 из 500 (при всей условности последней цифры). Хотелось бы, чтобы вслед за 1-м выпуском «Репрессированных этнографов», который вышел маленьким тиражом и сразу же стал библиографической редкостью, последовали дальнейшие издания. Подобные публикации – важнейший этап в осмыслении того, что происходило в отечественной науке в 1920–1940-е годы, и возвращении изгнанных «за политическую неблагонадежность» целых научных школ и направлений. Продолжение разговора необходимо.

Примечание

¹ Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченко Ф.Ф. Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы. // Народы Азии и Африки. 1990. № 4; № 5; Решетов А.М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4, 5–6. СПб., 1994.

М.В. Тендрякова

© 1999 г., ЭО, № 5

Handbook of North American Indians / Gen. ed. W.C. Sturtevant. V. 12. Plateau / Vol. ed. D.E. Walker, Jr. Washington, 1998. XVI, 791 p., ill.

Двадцатитомный «Справочник по североамериканским индейцам» (*Handbook of North American Indians*, далее – HNAI) под общей редакцией У. Стюртеванта издается с 1978 г. Смитсоновским институтом в Вашингтоне и является на сегодняшний день самым авторитетным источником справочной информации о коренном населении Североамериканского континента. Как подчеркивают его составители, HNAI призван дать энциклопедическую сводку данных по истории и культуре аборигенных народов Северной Америки, обитавших «севернее городских цивилизаций Центральной Мексики» (с. XIII). Таким образом, справочник охватывает территорию современных Канады, Гренландии, США и Северной Мексики.

Из 20 томов HNAI 11 – региональные, по культурным ареалам (в отечественной терминологии – культурно-историческим областям), остальные носят тематический или вспомогательный характер. Тома справочника выходят по мере завершения их подготовки независимо от порядковой нумерации. Всего к настоящему времени вышло 11 томов, в том числе 9 региональных, охватывающих большую часть территории Северной Америки (кроме Юго-Востока США и Великих Равнин).

Последний из опубликованных томов HNAI (12-й) посвящен Плато – одному из наименее известных российскому читателю и слабо представленных в отечественной литературе историко-культурных регионов аборигенной Америки.

По поводу самого выделения этой области и особенно определения ее границ среди американских этнологов не было единства. Регион «Колумбия – Фрейзер» был впервые выделен в конце XIX в. О.Т. Мэ-